

18+

Роман Русинов
*Елисей Буза. В дебрях
Заполярья*

Роман Русинов

Елисей Буза. В дебрях Заполярья

«Издательские решения»

Русинов Р.

Елисей Буза. В дебрях Заполярья / Р. Русинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531602-8

В XVII веке в погоне за славой, богатством и свободой русские дошли до Якутии, которую они открыли и освоили, благодаря таким людям, как Елисей Буза, преподнёсшему России царский подарок — всю северную Якутию от Оленька до Колымы, но ему пришлось пройти через большие испытания — как природные, так и сотворенные недобрыми руками человеческими. Сможет ли десятник Буза открыть новые земли и вернуться живым? Смогут ли его казаки найти богатства и остаться людьми? Об этом вы узнаете из данной книги.

ISBN 978-5-00-531602-8

© Русинов Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Путешествие на Оленёк	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елисей Буза. В дебрях Заполярья

Роман Русинов

© Роман Русинов, 2021

ISBN 978-5-0053-1602-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Путешествие на Оленёк

Ласковое солнце ранним летним утром обогрело и осветило улицы русского города на берегу великой реки. В тон кукареканью петухов и мычанию недоенных коров ударили колокола Троицкой церкви, созывая прихожан на заутреню. Тут же по дощатым мостовым застучали сотни сапог жителей города – купцов, служилых людей, ремесленников, пашенных крестьян... Где это мы? В Твери? В Ростове? Может быть, в Архангельске? Нет, мы с вами находимся в славном городе Енисейске, неофициальной столице Восточной Сибири, откуда отряды служилых людей и вольных охотников за «мягкой рухлядью» – пушниной идут на север, восток и юг, приводя пока ещё свободные сибирские земли под высокую государеву руку, а вот, кстати, и они сами, выходящие с утренней службы в церкви: крепкие, жилистые, одетые в кафтаны из добротного сукна и кожаные подкованные чоботы. К одному из них, резко выделявшемуся на фоне толпы своими чёрной бородой и глазами и лицом, вдоль и поперёк иссечённым шрамами и подбежал воеводский служка Андрюшка Лузин, мальчишка 10 лет.

– Елисей Юрьевич, Елисей Юрьевич! – закричал он, едва завидев сего служилого в толпе и оказавшись прямо перед ним, немного отдышавшись, уже спокойно сказал – Вас воевода к себе просит!

Елисей Юрьевич, услышав эти слова, нехотя оправил свой красный кафтан, отделанный для шика золотым позументом и решительным шагом направился прямо к воеводскому дому, резко выделявшемуся на фоне одноэтажной застройки тогдашнего Енисейска огромной, в высоту обычной избы, подклетью и большим резным крыльцом, не слушая окриков товарищей:

– Да подожди ты, Буза, пойдём с нами, посидим, выпьем!..

Елисей Буза, как звали казака, которого неведомо зачем вызвал к себе енисейский воевода Прокофий Соковнин, в это время не думал ни о чём другом, кроме как о причине столь срочного вызова со стороны воеводы. Только недавно он вернулся из верховий Лены, где (в числе других, конечно) приводил под государеву руку «братских людей» – бурят. Там и случился один неприятный инцидент: хотя во всех инструкциях, в том числе и подписанных лично царём Михаилом Фёдоровичем, и написано было «привлекать инородцев не правожом и битьём, но ласкою», Елисей Буза в очередной раз подтвердил своё прозвище, данное ему за крутой и драчливый нрав, в лучших традициях кулачного боя намявши бока одному бурятскому тайше и хотя тот сам напросился на кулаки, выведя Елисея из себя своим хамством и насмешками в адрес царя и православной веры, и после этого мордобоя сам добровольно согласился выплачивать ясак, на душе у Елисея Бузы было погано. Что говорить, если и сюда, в Енисейск, его, московского стрельца, героя войн с поляками и крымскими татарами, сослали за участие в массовой драке, которую сам и спровоцировал и теперь за содеянное Елисей Буза пощады не ждал, но хватит думать о плохом, может, ещё все обойдётся. С этими мыслями Елисей Буза решительно поднялся по крыльцу воеводского дома, скупо поздоровался с охранявшим воеводу казаком Онфимом Рядновым и вошёл в просторную светлую горницу, где его уже ждал воевода – дородный мужчина лет 40.

– Здравствуй, Елисей, сын Юрьев. – строго, но без злобы, поприветствовал он вошедшего казака, – Садись, нечего тут стоять.

Буза молча сел на предложенную ему лавку, в душе готовясь к грандиозному разносу, а воевода тем временем продолжал говорить:

– Про ту историю с «братскими людьми» сказку Ивана Москвитина я уже читал. Конечно, плохо тогда получилось, но что поделать – государева служба есть государева служба и ты справился с ней хорошо – ясак мы сполна получили. Вот я и подумал: не засиделся ли ты в енисейских казаках?

– Засиделся, батюшка воевода, засиделся. – ответил Буза, понимая намёк воеводы, ведь отсюда он теперь точно мог выйти начальным человеком, а то и вернуться в Москву.

– Это похвально. – довольным басом произнёс воевода – В новом Усть-Кутском остроге освобонилось место десятника и лучше тебя его никто занять не может, так что собирайся, отправляешься туда сегодня же!

– Благодарствую, Прокофий Фёдорович! – поблагодарил Елисей и быстро отправился к себе домой собираться в дальнюю дорогу. Пять минут на сборы (а чего ещё ожидать от холостого казака) и Елисей Буза уже стоял на палубе дощаника, шедшего в Илимский острог. До Илимска Елисей Буза добрался всего 2 дня, а вот дорога до Усть-Кутского острога заняла две недели, да и дороги между Илимском и Усть-Кутом, как таковой, ещё не существовало – это была тропа, на которой зверь встречался куда чаще человека, Елисею даже удалось убить бердышом парочку волков, подтвердив звание лучшего охотника на Енисее. Тот путь между Ангарой и Леной оказался тяжёлым, но Елисею Бузе больше всего запомнились на нём не тяготы таёжной жизни (не первый раз он шёл по Сибири), а другое. В самых, казалось, диких местах илимской тайги отряд енисейских казаков, в который входил и Елисей Буза, встречал русских новосёлов, бежавших сюда от голода и барской неволи, которые теперь расчищали девственную тайгу, рубили избы, заводили пашню и варили соль. Было видно, что не пройдёт и десяти лет, как между Илимском и Усть-Кутом будет не дикая тайга, а хорошо обжитая людьми местность, по которой будет удобно добираться до Усть-Кутского острога, всего 5 лет назад выросшего на берегах великой реки Лена, форпоста освоения Северо-Восточной Азии.

Усть-Кутский острог, куда прибыл новоиспечённый казачий десятник Елисей Буза, с первых шагов поразил его своей крайней неустроенностью и неряшливостью. Крепостной стены и обязательной при всех сибирских острогах церкви здесь не было и в помине, везде валялись брёвна и доски, из которых прямо на месте под песни и прибаутки сооружали добротные избы и пристани для судов, ходивших по пока ещё неведомой реке Лена, к тому же здесь, в отличие от Енисейска, ещё не было мостовых, поэтому до воеводского дома, местонахождение которого Елисей узнал далеко не сразу, ему пришлось добираться, проваливаясь по пояс в грязь, а увиденное поразило его даже более ранее увиденного бардака. Славный приказчик Усть-Кута (пока ещё не воевода) на время строительства острога разместился в полуземлянке, построенной впритык к возведенной части крепостной стены. Выслушав рапорт Елисея Бузы, он хмуро сказал:

– Доброго нам десятника прислали, да ещё и вовремя. Сейчас получишь десяток казаков под команду, огневой бой, огневой запас, завод судовой и обычный, прочий уклад и – вперёд, нечего тебе тут делать. Пойдёшь на Алдан, соберёшь с якутских людишек ясак соболями, по 5 соболей с дыма и поминки по одному соболю...

– Извини, приказчик. – ответил Елисей Буза – Я сюда за дело сослан в службу, но мздоимцем никогда не был и поминок брать с ясачных людишек не буду!..

Услышав эти слова, приказчик насупился на строптивного десятника, но увидев его решительный вид, был вынужден отступить, осознав, что Елисей Буза не из тех, кто способен с людей три шкуры драть ни по приказу, ни добровольно.

– Ладно, обойдёмся без поминок, раз порядочный такой. Десяток примешь сегодня и сегодня же отбудешь на Алдан!

– Спасибо, приказчик! – ответил Буза и отправился принимать десяток казаков и казну и, получив всё это на руки, в тот же день отбыл на Алдан за ясаком. Последующие 5 лет Елисей Буза бывал в Усть-Кутском остроге только время от времени, рассекая со своим десятком по всей Якутии, собирая ясак пушной рухлядью и составляя чертежи новоприобретённых земель. Тяготы и лишения совместной службы близко свели между собой десятника и его подчинённых. Первым в отряде Бузы всегда шёл Василий Шерстнёв, затинщик из Великого Устюга, которого неумолимая жажда приключений позвала «встречь солнцу». Из московских

стрельцов, как и Елисей Буза, был и старый казак Онфим Крытов, семья у которого погибла в большом пожаре 1626 года и он сам попросился на службу в Енисейск, откуда вместе с Петром Бекетовым пришёл на Лену строить Усть-Кут. Ловким охотником (пожалуй, лучшим на Лене) был крещённый сибирский татарин Сергей Кандышев, пришедший сюда в числе первопроходцев вместе с Онфимом Крытовым. Чуть позже в эти места в службу был сослан боевой холоп князей Волконских Иван Чупров, который, вкусив здесь подлинной свободы, не вернулся бы теперь на Русь ни за какие коврижки, как и его младший товарищ Петрушка Птицын – боевой холоп дворянина Богуславского. Этим своих сослуживцев осудил бы Андрей Ключин – начальний человек суздальских стрельцов, попавший сюда по глупому стечению обстоятельств: случайно выиграл у местного целовальника в зернь почти всё его имущество, а тот, недолго думая, поспособствовал его отправке «в службу» в Сибирь и теперь Ключин стремился домой, в Суздаль, где у него осталась семья, но не понимал его Антон Кружка – лихой в пути устюжский казак, в Усть-Куте, под бдительным оком жены, дочери якутского князя, становившийся тише воды, ниже травы. В отличие от своих товарищей, пришедших в Якутию не совсем добровольным путём, два брата-близнеца – Николай и Яков Кудояровы – были поморами, ходившими на промысел к устью Лены и один раз им жутко не повезло – их лодью затерло льдами в устье реки Хатанга, пеший переход через таймырскую тундру оказался тяжёлым, почти вся ватага, кроме Кудояровых, там и осталась в виде корма для волков, а им самим, полуживым от голода и цинги, едва удалось добраться до Енисея, где их нашли казаки Ивана Перфильева, под командой которого когда-то служил Елисей Буза. Выжив в тундре Таймыра, Николай и Яков Кудояровы оказались в тяжелейшей долговой кабале и, недолго думая, отправились в Усть-Кут, где записались в казаки и уже который год скитались в поисках мягкой рухляди и серебряной руды, но ни то, ни другое им пока не попадалось. Полудесятником в отряде Бузы шёл Гаврила Лысый – черкас, попавший в плен под Смоленском в 1632 году и с тех пор живший и служивший в Сибири. Таким был отряд Елисея Бузы, с которым он ходил по Якутии, исполняя государеву волю и это очень уж хорошо у него получалось, правда, далеко не всегда всё проходило гладко. Один раз был вынужден Буза идти на помощь со своим отрядом на Олекму, где пятидесятника Петра Бекетова осадил якутский князь Якона, не раз уже бивавший русских. На якутских конях ясачного сбора Буза и его отряд галопом скакали по льду Лены, но всё равно не смогли усилить гарнизон Олёкминского острожка до подхода к нему подкрепления из 800 якутских воинов под предводительством князя Тыгена. Когда отряд русских землепроходцев и отряд якутов столкнулись, Елисей придумал вот что: по его приказу Василий Шерстнёв выстрелил из пищали в самого Тыгена, нагло скакавшего впереди своих воинов на пегом жеребце и разворотил ему левый тазобедренный сустав. Тяжёлое ранение вождя привело в смятение якутских воинов, а Елисей времени даром терять не стал.

– Сотня, за мной, в атаку, ура! – заорал он и вместе с ним заорал и загремел весь его десяток, старательно изображая из себя сотню казаков, пришедшую на помощь Бекетову. Не желая связываться с сотней русских воинов, Тыген ушёл восвояси, а за ним, не дождавшись помощи, снял осаду с Олёкминского острожка и Якона, но угроза восстания в Якутии против русских оставалась и чтобы его предотвратить, нужно было избавиться от князя Яконы и это было сделано. В один день к стойбищу Яконы подъехал князь Сардык – сын Тыгена, принесший извинения за срыв осады Олёкминского острожка и приведший с собой в дар 2 русских пленных. Якона, хоть и был очень недоволен Тыгеном, принял его сына достойно, а русские пленные окончательно растопили лёд его подозрений. По случаю приезда дорогого гостя Якона закатил большой пир, на котором в обилии подавались лучшие якутские яства – ис миинэ (суп из потрошков), хаан (кровяная колбаса), ойгос (мороженное говяжье мясо), кюерчех (ягоды, заправленные сметаной), кумыс (кобылье молоко) ... За роскошным пиром Якона не заметил, как заснул, а проснулся уже в русском острожке, связанный по рукам и ногам и когда в ужасе начал искать глазами Сардыка, то быстро нашёл его в русском полушубке и обнимающего рус-

скую пищаль (это был Сергей Кандышев из отряда Бузы). Так, в тяжёлых походах и мелких стычках Елисей Буза и его отряд заработали должные опыт и уважение, необходимые для того мероприятия, которое им предстояло.

Елисей Буза со своим десятком всего два дня назад вернулся с реки Дерба, куда ходил за ясаком, который, за неимением порядком уже побитого соболя, якуты выплатили конским табуном. С этим «ясаком» казаки Бузы намучились: по воде этот табун оказалось вести невозможно – слишком уж большим (120 голов) и беспокойным он оказался, гнать его пришлось по суше, а это только добавило проблем – и корма для лошадей надо заготовить, и дорогу найти без проводника, лошади и отставали, и терялись так, что на поиски требовалось по несколько дней, и в бешенство впадали, и болели, и на них дикие звери нападали... Несмотря на все мучения, Елисей Буза и его казаки довели всех 120 лошадей до Усть-Кута в целости и сохранности и теперь полуживой Буза валялся на полатах в своей халупе, надеясь хоть немного передохнуть и набраться сил, но долго нежиться ему не пришлось. Посреди самого крепкого сна его внезапно разбудил посыльный:

– Елисей Юрьевич, вас приказчик к себе просит!

Столь бесцеремонно разбуженный Буза первым делом запустил в посыльного сапогом, затем оделся и, пошатываясь, как с похмелья, пошёл на приказчиковый двор. Приказчик недобролюбно посмотрел на Елисея Бузу, но собрался и перешёл к делу.

– Здравствуй, Елисей Буза, как поживаешь?

– Слава Богу! – не без доли сарказма ответил Елисей.

– Понимаю, ты порядком вымотался с этим дербинским табуном и больше всего сейчас хочешь отдохнуть, но обстоятельства требуют, чтобы ты вновь отправился в путь. – покашливая, ответил приказчик – 3 года назад отряд в 60 казаков под командой Афанасия Колоса отправился на реку Оленёк за ясаком и до настоящего времени о нём ни слуху, ни духу. Конечно, к такому долговому отсутствию казаков здесь уже привыкли, но дело вот в чём. Об Оленьке, хоть он и течёт западнее Лены мы ничего не знаем, а по слухам, река и её притоки шибко богаты и мягкой рухлядью, и рыбою, слух ходит, там и серебро водится... Все казаки и промышленники у меня в разъездах, здесь в полном составе только твой десяток, поэтому не обессудь – тебе идти на Оленёк вызволять Колоса.

– Да, господин приказчик. – ответил Буза, понимая, что и на этот раз отдохнуть ему и его людям не дадут – Позволь только месяц взять на строительство коча...

– Это почему это? – спросил приказчик – Колос на Олёнек сушей пошёл...

– Вы же сами знаете, – ответил Елисей Буза – В наших местах лучше добираться до отдалённых мест водным путём, да и дорогу надёжную на Оленёк разведать надо, и чертёж сих мест составить...

– Добро. – ответил приказчик – Начинай немедленно готовиться в дорогу!

– Благодарю. – сухо ответил Буза и пошёл по Усть-Куту собирать свою ватагу. Не сказать, что казаки Бузы были в восторге от перспективы похода на неизведанную реку Оленёк (Антон Кружка вообще оставлял дома беременную жену), но приказы начальства не обсуждают и десяток Бузы с превеликим рвением принялся за постройку коча. Первым делом казаки вытесали из лиственницы матицу – 15-метровый квадратный в сечении брус, который должен был служить килем будущего коча, на который устанавливались массивные корги (штевни), формировавшие корму и нос будущего судна, а по его всей длине с интервалом в полметра и немного под углом устанавливались лиственничные урпуги (шпангоуты), которые, связанные между собой кряжами-обручами «курицами», придавали корпусу коча яйцевидную форму, чрезвычайно удобную как для дрейфа во льдах, так и для вытаскивания судна на берег для последующего волока. Все детали судового набора соединялись между собой при помощи деревянных гвоздей (что поделать – с железом в дальних сибирских острогах всегда была напряжёнка). Окончив соединение урпугов между собой перешвами (бимсами), казаки принялись настилать

палубу и ставить мачту, которые, как и остальные части обшивки коча, делались уже из сосны, более лёгкой в обработке и прикреплялись к корпусу коча не гвоздями, а пришивались вицей – жгутом из елового корня.

– Не запарился ещё, Онфим? – крикнул Онфиму Крытову Елисей Буза, разбивая топором листовничное бревно на плахи, из которых Иван Чупров вытёсывал доски для обшивки судна.

– Нет ещё, Елисей Юрьевич, приживётся! – ответил ему Крытов, который вытягивал из хорошо проваренного елового корня мотки жгута, которым доски обшивки тут же крепились к судовому набору. Как раз в то время, когда остальные казаки с превеликим рвением заканчивали наружную (противолёдную) обшивку коча и готовились установить на шеглу (мачту) раину (рей для паруса), на плотбище ворвалось стадо в 140 голов оленей, ведомое довольным Шерстнёвым.

– Ну, братья, принимайте оленей. Теперь у нас есть и паруса, и тяги, и мясо в дорогу. – и, помолчав, добавил. – Ну эти тунгусы и паразиты. За оленей долго торговались, тощак даже подсовывали, согласились только на 6 фунтов никоцианского зелья...

– Никоцианское зелье... – недовольно пробурчал Елисей Буза, давно подозревавший, что Вася Шерстнёв из Великого Устюга сбежал не столько из любви к приключениям и славе, сколько из-за своей любви к никоцианскому зелью, за которую на Руси без лишней жалости рвали ноздри, но такова жизнь – казакам действительно были необходимы олени для завершения строительства коча и снаряжения в дальнюю дорогу. Мгновенно стадо было забито, оленье шкуры пошли на корабельные снасти и два больших паруса (основной и запасной), оленье мясо в высушенном виде стало основным провиантом экспедиции, а заботливо сохранённая оленье кровь – хорошим противоцинготным средством. Осталось только навесить на коч, получивший имя «Варлаам Керетский» в честь небесного покровителя беломорских моряков, руль, установить в носовом чердаке (форпике) печку, загрузить на него всё необходимое для дальнего плавания – продовольствие, тёплую одежду, оружие, инструменты и подарки для ясачных людишек – и всё, можно отправляться в плавание. 17 июля 1636 года коч «Варлаам Керетский» наконец-то сошёл со стапеля и отправился в плавание вниз по Лене.

«Варлаам Керетский» лихо шёл вниз по Лене, разрезая носовой коргой встречную волну. Елисей Буза, правивший рулём, был доволен своим судном: несмотря на то, что и он, и его казаки были в судостроении дилетантами (даже братья Кудояровы, хоть и были поморами и ходили на кочах, но их никогда не строили), «Варлаам Керетский» получился на славу – лёгкий в управлении, манёвренный, вместительный и в то же время достаточно прочный для того, чтобы выдержать океанские штормы и льды. Единственным его недостатком была, пожалуй, его малая скорость, но для Бузы он не имел никакого значения – он никуда не торопился. В то, что отряд Колоса сейчас нуждается в помощи, он не верил, потому что знал, что если от промышленников слишком долго нет ни слуху, ни духу, то это означает только одно из двух – либо промышленники полегли в полном составе, либо хорошо освоились на новом месте и их придётся возвращать на Большую Землю силой, а то, что с Колосом произошёл именно второй вариант, Буза мало сомневался, ведь он слишком хорошо знал его по прежней службе в Енисейске как совсем уж бесшабашного казака, способного выполнить любую поставленную задачу, абсолютно не считаясь при этом с потерями – ни своими, ни чужими. Эта манера Колоса идти по головам выводила из себя Бузу, который, несмотря на свой гремучий характер, всегда старался не махать дубиной там, где можно было применить иголку и вернуть всех своих подчинённых домой в целостности и сохранности. К тому же силы Бузе и его отряду предстояло побережь: путь вниз по Лене и далее по морю к реке Оленёк предстоял не близкий, да и найти её была задачка не из лёгких – из его отряда там ещё никто не был, а слова приказчика Усть-Кутского острога, что Оленёк находится «где-то недалеко к западу от Лены» только запутывали положение, ведь «недалеко» по сибирским меркам могло означать как совсем рядом, так и 50, и 100, и 500 вёрст. Поэтому Елисей и подготовился к походу на Оленёк столь основательно,

не забыл ни продовольствие, ни инструменты, даже навигационные премудрости – фудшток, астролобию, компас-матку и механические часы с собой взял, дабы составлять карты пройденных им земель, но пока коч шёл по относительно известной Лене и хотя пока её берега не были очень-то и населены, но это было только пока: в скором времени русское население берегов Лены должно было вскоре увеличиться, дважды «Варлаам Керетский» чудом избегал столкновения с караванами дощаников, шедшими на север, к новому Якутскому острогу, который только отстраивался после разрушительной осады якутами 4 года назад. Природа Лены тоже то и дело подкидывала землепроходцам сюрприз за сюрпризом: за время плавания по ней казаки Бузы видели и бескрайнюю дикую тайгу, и плодородные остепнённые участки, и диких зверей, без опаски спускавшиеся к воде и глазевших на невиданное диво – гигантскую лодку под парусом, и гигантские косяки рыбы, через которые «Варлаам Керетский» мог пройти только при помощи весёл, но всё ранее увиденное в пути перед казаками Елисея Бузы затмили Ленские столбы – 220-метровые вертикально стоящие гранитные столбы, протянувшиеся на многие километры вдоль левого берега реки. Несмотря на то, что Елисей Буза уже видел и Красноярские столбы на Енисее, и мимо Ленских столбов проплывал уже не раз и не два во время своих походов по якутским землям, он не мог оторвать глаз от них – этого чуда, гигантского каменного леса, с которого на него дул ветер, несущий песок с самой северной в мире песчаной пустыни. Через какие-то 2 дня после прохода у Ленских столбов, где «Варлаам Керетский» чуть было не напоролся на подводную скалу, перед светлыми очами землепроходцев предстала столица этих нетронутых земель Якутский острог (хотя острогом сей крепости осталось быть очень недолго – через какие-то 5 лет, в 1641 году, он будет преобразован в город Якутск). Уже ничего не напоминало о том, что всего 4 года назад Якутский острог выдержал тяжёлую осаду со стороны многотысячной якутской орды (хотя в том, что якуты вообще присутствовали при осаде Якутского острога в 1632 году, ни у кого уверенности не было – уж слишком много в острожных стенах после осады нашли стрел южного, маньчжурского, происхождения). После осады частично разрушенный Якутский острог отстроили заново, он стал ещё больше и лучше. Проплывая мимо Якутска, у многих из отряда Бузы возникло желание пришвартоваться там, походить по его тесовым мостовым, помолиться в его церквах о благополучном странствии, побуянить в его кабаках, но – нельзя, надо было продолжать плыть на север, дабы пройти как можно большое расстояние до ледостава. Прямо за Якутском обстановка изменилась: на берегах почти сразу исчезла густая тайга, её сменили почти голые просторы лесотундры с редкими, порядком потрепанными лиственницами, а на самой реке начала встречаться шуга, а через день Василий Шерстнёв, бывший на «Варлааме Керетском» за вперёдсмотрящего, заметил на реке плавучий лёд. Было заметно, что на Лене начался ледостав, но происходит он крайне неравномерно и если в верховьях и в ноябре можно плавать и плавать, то в нижнем течении Лены уже в сентябре стоит матёрый лёд. Надо было уже подыскивать место для зимовки, но Елисей Буза упорно вёл свой коч вниз по Лене, нигде не задерживаясь, стараясь пройти как можно большее расстояние до моря, но это становилось всё труднее, ведь над холодными водами великой северной реки начал сгущаться туман и с каждым днём он становился всё гуще и гуще, так, что даже острый глаз Шерстнёва не мог теперь разглядеть того, что было всего в нескольких десятках метрах по носу. В один из дней коч «Варлаам Керетский» шёл в самой что ни на есть густой «сметане». Уже которые сутки не смыкавший глаз Елисей Буза кричал Шерстнёву:

– Васька, что прямо по курсу?

– Не знаю, Елисей Юрьевич. – ответил Василий, которого с кормы коча у почти не было видно – сплошной туман, ничего не видно. Нам бы к бережку, осмотреться, отогреться...

– Не учи учёного. – огрызнулся Буза – Я правлю кочом, а не ты. – и продолжил вести коч прямо. Через какие-то 2 часа управляемый Елисеем Бузой коч со всего размаху врезался передней коргой во что-то твёрдое. Внезапный удар был очень сильным, весь коч был им сотря-

сён от носа до кормы, но на нём ничего не было сломано – всё-таки казаки Бузы в Усть-Куте сшили добротный коч, а вот самим казакам от этого удара досталось: Буза от сотрясения кубарем скатился на палубу, а не успевший удержаться Василий Шерстнёв вообще вылетел за борт. На шум наружу выбрался Гаврила Лысый, по внешнему виду которого было видно, что обедать казакам придётся сухим пайком: он был весь в мясном супе, который в момент столкновения готовили в носовом чердаке.

– Слышь, десятник. – из всех казаков только он обращался к Елисею Бузе не по имени-отчеству, а по званию – Это шо сейчас било?

– Не знаю, врезались во что-то. – ответил Буза, уже вскочивший на ноги и тут его поразил ужас – Человек за бортом!

– Да всё в порядке, Елисей Юрьевич! – из-за борта отозвался Шерстнёв – Давайте, поднимайте меня наверх!

Шерстнёву тут же сбросили канат, по которому он забрался на борт. Удивлению товарищей, выбравшихся после удара на палубу коча, не было предела, ведь вылетевший за борт Шерстнёв поднялся обратно абсолютно сухим, но он быстро разъяснил произошедшее.

– Впереди сплошной лёд, река окончательно встала. Первые несколько аршин лёд хрупкий, человека ещё выдержит, но коч – вряд ли, зато дальше – крепче камня...

– Хорошо, Вася. – прервал его Буза – А ну, казаки! – обратился он теперь уже к команде – Выбирайся на лёд, дальше коч волоком тащить будем!

Казаки быстро спустились на ленский лёд, отошли подальше от его края, впряглись в заранее приготовленные ремни и принялись вытаскивать коч из воды. Это было тяжёлое дело: лёд крошился под тяжестью коча, который то и дело грозился завалиться на борт, люди на льду отчаянно скользили и падали, только с третьей попытки казакам Бузы удалось вытащить коч на прочный лёд и потащить волоком к ближайшей бухте.

– Вперёд, братья, вперёд, место зимовки близко! – подгонял своих товарищей тащивший с ними наравне коч Елисей Буза, заслышав вдали лай собаки. Последнее напряжение мышц, последний рывок вперёд – и коч «Варлаам Керетский» оказался в Жиганском остроге, передовом форпосте освоения северной Якутии.

«Да-а, Жиганский острог здорово изменился!» – подумал Елисей Буза, когда его ватага поставила свой коч в сарай, где он должен был переждать зиму. Ничто уже не напоминало в том Жиганском остроге, где остановился на зимовку по пути на Оленёк енисейский казачий десятник Елисей Буза со товарищи, того паршивого зимовья, которое основал Петр Бекетов всего 4 года назад. Теперь на его месте гордо возвышался большой острог с 5 башнями, внутри которого размещалась Спасо-Преображенская церковь, большой дом приказчика, избы 20 казаков, многие из которых за время службы уже обзавелись семьями, пережившие на якутках и эвенкийках, два балагана для промышленников, шедших отсюда далее на север и восток, амбар для ясачной и пороховой казны и кабак. Именно в кабак и пошли казаки Елисея Бузы после того, как представились жиганскому приказчику, дабы отогреться и наесться после волока по льду Лены. В кабаке под говорящим названием «Арака» (молочная водка) тем временем веселье шло полным ходом и выражалось оно в первоклассном мордобое, звуки которого были слышны ещё на улице. Внутри же «Араки» царил полный разгром: несколько десятков промышленников и казаков, застрявших в Жиганском остроге из-за слишком суровой зимы, весело волтузили друг дружку, по всему кабаку летала посуда и мебель, содержатель кабака испуганно прятался под стойкой, молясь, чтобы ему в драке не проломили голову до мозгов просто за то, что он не вовремя под руку попался, в мят промышленников и грохот разбиваемой в щепки мебели иногда вплетался хруст ломаемых человеческих костей. Другие бы на месте Бузы и его людей быстренько свалили из кабака, пока им бока не намяли, но они были очень голодны.

– Здорово, православный люд! – громко рявкнул Елисей Буза – Накормите путников?

– Это ты мне? – свирепо ответил Елисею Бузе промышленник с рассечённой левой скулой – А с какой стати я тебя, крысу воеводскую, кормить должен?!

– Мы тебе не приказываем нас кормить, но просим. – спокойно ответил Буза разгневанному промышленнику, верный своему принципу не дубасить бражников, дабы не замараться – Ты что тут, хозяин? Дай пожрать, мы голодны!

– У-у-убью-юю! – белугой заревел промышленник и с ножом наголо набросился на Елисея, но резануть не успел: на мгновение раньше Буза засадил ему кулаком по печени, а казаки его десятка, с нетерпением ждавшие знака со стороны командира, дружно вломились в кучу жиганских казаков и промышленников, весело работая кулаками и ногами, а Сергей Кандышев лихо швырял в обезумевшую толпу не только столы и табуретки, но и вырванных из её рядов особо драчливых промышленников. Через какие-то десять минут массовая драка в жиганском кабаке «Арака» благополучно завершилась без победителей и побеждённых: всё её участники вымотались и окончательно выпустили пар, да и драться было уже нечем, ведь вся мебель и посуда, которая к моменту прихода отряда Бузы ещё оставалась целой в кабаке, была расколочена вдребезги. Тот самый промышленник, который и полез на Бузу с ножом, встал, шатаясь и держась за расшибленную правую скулу, сказал десятнику:

– Ты атаман, того, извини, что я бока тебе намял, видит Бог, брага слишком крепкой оказалась...

– Ладно, бывает. – ответил Буза, прикладывая свой амулет-змеевик к подбитому левому глазу. После драки наступило довольно быстро наступило время примирения, скреплённое обильным брагопролитием, во время которой казаки Бузы перезнакомились и передружились со всеми промышленниками, которые застряли в Жиганске по пути к островам, лежавшим севернее Лены, где добывалась мамонтовая кость. Предводителем сей невезучей ватаги был Павел Кочерыга – тот самый промышленник со свороченными скулами. Нелюбовь его к представителям власти имела очень давние корни, даже в Сибирь он, старинный холоп, бежал после того, как высек на конюшне, как сидорова козла, собственного барина за то, что тот ради забавы выпорол его беременную сестру. Та от пережитого скинула ребёнка и, не выдержав позора, утопилась. Отчаявшись добиться правды (не положена она рабам!), Павел Кочерыга однажды подкараулил барина на конюшне и от души отходил его кнутом по загривку, выместив на подонке много лет копившуюся обиду, да так хорошо, что тот после порки умом тронулся. Не дожидаясь расправы за содеянное, Кочерыга бежал в Сибирь, где записался в казаки, но от судьбы не ушёл. Десятник ему попался из породы мерзавцев: казаков за людей не считал, присваивал себе их жалование, жировал, когда другие с голоду пухли. Однажды Кочерыга не выдержал и решил поговорить с десятником по-мужски, но тот разговор закончился плохо для их обоих, ведь после него десятник отправился на погост со свёрнутой шеей, а Кочерыга – на Лену, где быстро выдвинулся в предводители ватаги промышленников, ходивших на побережье и острова Ледовитого моря за мамонтовой и рыбьей костью, но своей нелюбви к представителям власти не оставил, не делая между ними особой разницы, честный человек или бесчестный, но как следует познакомившись с Елисеем Бузой, сказал:

– Настоящий казак, не то, что некоторые! – и с этого момента они стали лучшими друзьями. Благодаря дружбе с промышленниками зимовка отряда Бузы в Жиганском остроге прошла весело, в попойках и братаниях, но не только праздным бездельем были заполнены долгие длинные месяцы. С самого первого дня казакам Бузы пришлось включиться в хозяйственную деятельность Жиганского острога, что было понятно: работы по обустройству сих диких мест было много, а сил собственно жиганских казаков для их выполнения не хватало. Казакам Бузы приходилось и избы строить, и стены чинить, и за ясаком ходить, и зверя бить – легче сказать, чего им в Жиганском остроге не приходилось делать. Порой казакам Бузы приходилось отходить от острога на десятки, а то и на сотни вёрст, где не то, что о казаках – о людях вообще не слышали. Буза всячески поощрял эти походы, заставляя брать с собой навигацион-

ные инструменты, дабы приучить своих казаков к составлению чертежей пройденных земель, ведь на Оленёк он собирался идти всерьёз, не как вольный охотник, задачей которого является набить побольше зверя и свалить в тёплые места, но как хозяин, намеренный освоить сии неведомые земли и всерьёз на них закрепиться. Как-то раз Онфим Крытов и Яков Кудояров вместе с Павлом Кочерыгой отправились на левый берег Лены за сбежавшими острожными оленями, но поход, на который отводилась от силы неделя, растянулся на месяц. В поисках оленьих следов Онфиму и Якову пришлось прорубать дорогу через бурелом, проваливаться по горло в воду многочисленных речек и озёр, бердышами отбиваться от волков и росомах, видимо, хорошо познакомившихся с людьми и теперь видевшими в них источник свежего жирного мяса, терпеть жестокие голод и холод. С горем пополам, но жиганских острожных оленей казаки нашли почти в трехстах километрах от Жиганска, на берегу Муны, левого притока Лены, речки, хоть и мелкой, но бурной и своенравной, о чём свидетельствовал густой пар, шедший от полыней, которые не думали затягиваться льдом даже в тот лютый мороз, который стоял на Среднесибирском плоскогорье. Как бы то ни было, но всех острожных оленей, которых сбил с панталыку и угнал с собой сокжой (дикий северный олень), казаки нашли и теперь решили сделать привал, дабы спокойно поесть и отдохнуть перед дорогой обратно, но только казаки начали закусывать строганиной, как Николай Кочерыга и выпалил:

– Да, славное дело ваш десятник затеял, идти водным путём на Оленёк, да только вот зря...

– Это почему это зря? – спросил Онфим Крытов, откусывая здоровый кусок строганины, – Ведь водным путём по-любому идти легче и короче, чем сухим, особенно здесь, в Якутии...

– Ну, я бы так не сказал. – хитро прищурившись, ответил Кочерыга – Ведь от этого самого места, где мы сейчас столуемся, до Оленька всего 121 верста...

– Сколько, сколько? – едва не подавившись строганиной, спросил Яков Кудояров. В шоке от этого известия был и Онфим Крытов, ведь столь искомая и желанная ими река Оленёк находилась рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки, а Павел Кочерыга тем временем довольно продолжал:

– Ваш Оленёк совсем рядом находится, вот за этим гольцом, день пути – и мы уже там...

– Если это так, – оправившись от первого потрясения, проговорил Кудояров, – То какого лешего мы тут забыли? – и стал собираться в дорогу. Буквально окрылённый известием о близости Оленька, Крытов последовал его примеру и троица вместе со стадом острожных оленей двинулась вверх на голец, по которому можно было дойти до реки Оленёк. Подъём на голец прошёл быстро, что неудивительно – энтузиазм первооткрывателей придал казакам сил, правда, их смущало то, что снежный покров по мере подъёма вверх постоянно уменьшался, пока не исчез совсем, хотя по логике всё должно было быть с точностью до наоборот, но только спустя некоторое время они поняли причину этого парадокса. Едва группа ступила на вершину гольца, как на нём задул лёгкий ветерок. Поначалу казаки не обратили на него никакого внимания – ветерок как ветерок, экая невидаль – но время шло, ветерок крепчал и через какие-то 40 минут превратился в самый настоящий ураган. На казаков и их верных оленей обрушился шквал невиданной силы, обрушивавший с собой здоровенные куски снега и льда и сшибавший всё живое с ног, хотя, кроме казаков и их оленей, ничего живого на этом гольце и не было – ничто не могло выдержать этого чудовищного полуночника, царя этой земли, который в считанные секунды сносил с неё и мхи, и лишайники, и снег, оставляя после себя только камни, отполированные до зеркального блеска. Ползший на четвереньках Яков Кудояров (иначе по гольцу нельзя было передвигаться) нащупал среди гладких камней что-то мягкое. Подползая поближе, он рассмотрел, наконец, высушенный труп человека, судя по одежде – устюжского казака. Обладавший развитым воображением, Яков Кудояров представил себе, как несчастный был застигнут ураганом на гольце, как заблудился в снежном вихре и,

не найдя путей спасения, замёрз под дикий рёв ветра, ставший для него поминальной молитвой. Глядя теперь в пустые глазницы трупа, обращённого ветром и холодом в мумию, Яков внезапно вскрикнул:

– Онфим! – и бросился назад, к Онфиму Крытову, который в силу своей старости здорово отстал от своих товарищей. При нулевой видимости и сильном ветре, валившем с ног любого, кто осмеливался поднять голову, найти Онфима было нереально, однако Яков нашёл его быстро, в нескольких десятках шагов от себя, стоявшего, как истукан. В ужасе Кудояров ощупал Онфима: тот был холоден, как лёд и лишь у горла слышался слабый стук. Услышав его, обрадованный Кудояров схватил Крытова в охапку и потащил его к ближайшему оленю, который ещё держался под порывами ледяного ветра. Добравшись до оленя, Кудояров немедленно расплосовал ножом его вену и приложил к ней едва живого Онфима Крытова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.